

«Мутанта» его я категорически — точнее, фильм, в котором Никита Джигурда и автор сценария, и сорежиссер, и исполнитель главной роли, и автор-исполнитель песен, естественно, в прокатном варианте называющийся «Супермен» поневоле, или Эротический мутант — не принял. О чем, кстати, и писал уже. Но даже в рецензии той, заканчивая, как говорится, «избиение» фильма, я не преминул подчеркнуть, что к самому «Никите Джигурде» — актеру, барду, человеку — я отно-

шусь весьма и весьма положительно». Подтверждением чему, надеюсь, станет и ниже-

следующее. Что называется, как сейчас помню в популярной газете фотографию коротко стриженного, с бородкой парня на очередной «высоко-ваганьковской» годовщине... Впрочем, не гарантирую, что «воспоминания» мои сейчас — не из желания, стремления героя своему «подыграть» в истории его с ГБ.

— В Москву приехал я зимой 83-го. И в день ЕГО рождения решил: «Иду! Освистят — не судьба. И «киевский» Высоцкий тут не нужен...». Но первую же песню встретили аплодисментами, вопросами: откуда, кто такой! Полчаса пел! А у выхода уже «штатские»: «Пройдемте! Вы осквернили могилу». Я разворачиваюсь и — народу: «Я что, могилу осквернил!» — «У-у-у...». Как сдуло «штатских»... В метро меня потом человек под сотню провожал. А летом, в годовщину смерти Высоцкого, народу уже столько было, что милиция ко мне не пробилась! 24 января [в Щукинском уже учился] приглашают к ректору: «Завтра вы не должны выходить из дома!». «Я что, — спрашиваю, — в ваших рядах состою! Ваши приказы мне...». «Штатский» как заорет: «Вы советский студент!!!». «Ну ежели этого не имеет права делать «советский студент»... Беру лист: «По собственному желанию... прошу отчислить». «Теперь, — спрашиваю, — я волен делать что хочу! До свидания...». Сколько дерьма в тот раз и про «подрыгив основ», и на Высоцкого, и на «Голос Америки» (они, оказывается, мой летний «концерт» — тот, ваганьковский, уже «крутили») вылило было!

25-го утром из общежития выхожу, а меня под белы ручки и — в «воронку». Это я сейчас бы сел спокойно, а тогда заартачился, но, оказалось, ребята «дело» свое хорошо знают: пару пальцев ломанули, «костальные попозже», — говорят, дверью ноги попршибили... В КПЗ потом мне в деталях и пересказали, что и когда я после ректорского кабинета делал: «У нас приказ тебя до кладбища не допустить». Интеллигентные ребята оказались... Да, может, и «щукинцы» среди них были — про Высоцкого говорили, песни мои хвалили... Я, когда узнал, что у общежития меня две машины с нарядами ждали, чуть от гордости не лопнул...

«Обыденный», без форсажа, голос его в толпе оглянуться не заставит, «хрипатости» в него он поддает «для колориту»...

— Ну специально я его не «сажал»... Когда Высоцкий в 73-м в Киев приезжал, пацаны по городу его «Охоту на волков», «На братских могилах» орал, я тоже связки надрывал, чтоб репутацию «дверового Высоцкого» не уронить. У нас в доме записи его, Галича, Окуджавы, Визбора постоянно крутились, их песни ориентирами моих ценностей жизненных стали. Да мне в четырнадцать-пятнадцать эмоционально легче жить становилось после того, как «под Высоцкого» наорусь!

Фамилию Джигурда — чисто профессионально, ей-ей! — «засек» я с телеополнница студии Довженко «Раненые камни», в котором «в судьбе вернувшегося с русско-японской войны балкарца Аскера большую роль сыграл русский большевик Антон».

— Меня в «Щуке» в очередной раз только-только восстановили, а тут — ГЛАВНАЯ роль в трех сериях, полгода в седле! Мне ректорат условие: кино или учеба... Так я умудрился и курс окончить, и заслуженного Кабардино-Балкарии за «народного мстителя» своего получить! В шесть утра самолет в Нальчик, в горы на машине два часа, завтра — на репетиции в институт, через

день — по новой... От таких перепадов-перелетов чуть зубы не порастерял, но жизнь «звезды» с тех пор мне очень по душе!

Я себя вообще суперудачливым считаю, а в смысле работы — кино, театр, эстрада — втройне! Пару лет последних, правда, даже от турне по Европе отказывался — «Ермаку» принадлежал и «Мутанту» своему. Так что учти — говоришь ты с ба-альшим художником... Не, лучше так: с Художником с ба-альшой буквы! А звания-то меня того потом лишили: на юбилее одном я посвящение балкарцам депортированным спел от лица Аскера своего... Вообще-то я песни свои на русском пою, хотя... Да какая, собственно, разница, кто какой национальности! Все мы земляне! По паспорту, например, я —

Никита Джигурда:

УЧТИ, ГОВОРИШЬ ТЫ С БА-АЛЬШИМ ХУДОЖНИКОМ!

украинец, но, ей-богу, вот буду народным артистом России!

Гены непокорства своего проследивает он от деда. Хотя изыскания родословной довел до запорожской вольницы и сочетание «Джи-Гурда» (с ударением на «а») трактует как «владелец, обладатель, владелец булавы, скипетра» (самодержец, что ли, получается?!). Тем не менее в одной из песен его «свободных», «вольных», автором которых лет десять тому объявил он себя, есть строчки: «Люблю я воли пьянящий ток. Свободы люблю озон. И пусть мне выключают грешный мой бок — Я лжи раскочаю трон!».

— В школе нас — чисто риторически, конечно, — спрашивали: для чего вы живете! А я себе — вот клянусь! — лет до восемнадцати такого вопроса и не задавал даже. Ну сочинял какую-то лирику, социальные «мотивы» затронуть пытался, но... Вот веришь, занимаюсь с девчонкой любовью, а она мне: «Счастливей! Ты знаешь, зачем живешь». Колоссальная ситуация! Мама-папа мои диссидентами не были, не «привлекались»... Понимаешь... Я не люблю слова «отчим», но получилось так, что у меня... ну два отца, что ли. С тем, который меня растил, я вообще как в инкубаторе жил, а с родным, с друзьями его — сорокалетними «шестидесятниками» я лет с семнадцати общался. Да, у меня же брат есть старший, который — ну когда я себя в спорте пытался найти, в институт поступал — как раз театральный киевский заканчивал. Естественно, я в компании его крутился... Так вот и образовалось то, что теперь Никитой Джигурдой называется... Дату своего рождения счи-

тает он предзнаменованием: по решению ЮНЕСКО именно 27 марта 1961-го как раз и был впервые отмечен Международный день театра. Биографическая же канва его включает в себя учебу не только в Киевском институте (кандидат в мастера спорта по гребле на каноэ), но и в Киевском театральном, работу грузчиком, слесарем, кровельщиком, осветителем, монтажником декораций... Сегодня он — на договорах — и в спектаклях Марка Розовского участвует, и в «сборных» на один спектакль командах, почти в десятке фильмов снялся, в киосках — кассеты с его песнями, в «ящике» — то в «Часе фортуны», то в «халявных» ту-совках мелькает...

— ...в Киевском театре эстрады осветителем я уже после года учебы в театральном контексту пребывания их в придуманном экранном или сценическом мире, все так же ли... Или «стерпится — слюбится»!

Дело в том, что в разговорах наших, рассказах его о себе насторожила меня... Ну не знаю, насколько осознанной она бывала в словах его, может, то всего-навсего мои «придирки», только насторожила меня в разговорах наших интонация умудренности, что ли, отстраненности его ТЕПЕРЕШНЕГО существования, от фактов и атмосферы своей же собственной, совсем не столь уж и продолжительной, скажем, судьбы, биографии. Например, не раз повторенное им «соображение»: сегодня я такого уже не стал бы вытворять! Или — сегодня мне это, ей-богу, даже забавно вспоминать. Сегодня... В общем, эдакая — с сегодняшней его точки зрения! — позиция умудренности, опытности, философичности... Как будто и не с ним все это так недавно было!

Тем не менее со светящимися глазами пересказывал, как в знаменитую ночь 93-го собирал актеров на Шаболовку, откуда и «толкнула» знаменитый свой монолог Лия Ахеджакова. По поводу же моих переживаний относительно утери им своего максимализма успокоил: «Ну какой, скажи, сегодня смысл выходить на площадь, как я делал в Киеве лет пятнадцать назад, — все разрешено, и никому уже ничего не нужно...».

Тем не менее в рассказ о себе — как самое заветное! — обязательно просил включить дорожке ему строчки: «Пусть кругом говорят, что, мол, атомный мир больше греет. Я уверен, что жизнь и болеет, и раной болит оттого, что духовность под прессом материй хиреет. Оттого, что не каждый в Бога верит. И хочет любить...». В финале «Мутанта» строчки эти — как кредо авторское и героя, и самого Никиты Джигурды — вы можете услышать. Или уже слышали... Во всяком случае, по его уверениям, пацаны, фильм посмотревшие, считают его «самым крутым из совковых». И хотя «Мутант» мне его, как уже сказано было, весьма и весьма... самому Никите я желаю! Беспокойств...

— Не думаю, конечно, что сумасшедшие свои дни Михал Александрович в той же палате проводил... Забрали меня как раз перед майским приездом Брежнева в Киев — чтобы «приветствовать» его не вышел... Да я же в то время, грузчиком будучи и не имея, как говорится, на то формального права, на площадь Октябрьской революции выходил со своими фривольно-антикоммунистическими, как их назвали, песнями. Какой там ямб-хорей, вольными они были, свободными! К тому же я и в армии еще служить отказался — для 81-го все это вкупе весьма круто было! Из психушки меня на «поруки» маме выпустили: не петь, не буйнить чтоб! Ну мне и до этого еще говорили, а тут предупредили просто: лучше в Киеве тебе не попадаться, езжай куда глаза глядят. И рванул я в Москву... В Москву! В Москву! В Москву...

Другой биографии ему уже не придумаешь, время же толковый нюансов поведения его — ну в историческом, так сказать, контексте — пока не подошло, тем не менее весьма хотелось бы мне увидеть Никиту лет эдак... Да нет, не столько даже лично его увидеть, сколько лет через несколько, когда снимется он в эном своем фильме, услышать, узнать, все так же ли максималистски требователен он к характерам своих героев,

Исповедовал
Геннадий СУХИН.

● Концерт у могилы Высоцкого.